

УРОКИ ИСТОРИИ

НЕУСВОЕННЫЕ УРОКИ «ВЕХ»

*Славин Борис Федорович -
доктор философских наук,
Горбачев-Фонд.*

Столетие сборника «Вехи» отмечается необычайно широко: «круглые столы», научные конференции, обилие публикаций в журналах и газетах. Невольно возникает вопрос, почему так

много внимания этой небольшой и, скажу прямо, далеко неоднозначной книге?

Думаю, это происходит потому, что совпало по своему социально-политическому содержанию время начала двух веков: XX и XXI. Это типичное межреволюционное время. В начале прошлого века оно было связано с реакцией общества на революцию 1905 года, сегодня – с концом «революции» 1990-х гг. и крушением политики либерального фундаментализма, породившей глобальный экономический кризис капитализма. История идет по спирали. Как мы видим, спустя сто лет общественность снова заговорила о Марксе, о социальных потрясениях и социализме.

«Вехи» нередко считают своеобразным Манифестом всей русской интеллигенции. На мой взгляд, это ошибочное мнение: интеллигенция в России никогда не была единой. «Вехи» - есть идейное проявление лишь одной ее части, при этом части, напуганной первой народной революцией гораздо больше, чем, например, «кровавыми воскресеньем» 9 января 1905 года, устроенного последним русским царем.

Авторами «Вех» были такие известные писатели и философы, как Н. Бердяев, С. Булгаков, М. Гершензон, П. Струве, С. Франк и др. Часть из них в прошлом числились в либеральных марксистах и социал-демократах. Чем же они ответили на революцию 1905 года, вырвавшей у царского самодержавия парламент и некоторые демократические свободы? Как ни странно, паническим бегством под крыло монархической власти, отказом от своих прежних демократических и социалистических идеалов, уходом в религию, мистику и индивидуализм. Вот лишь несколько слов, подтверждающих этот вывод. «Каковы мы есть, - писал Михаил Гершензон, - нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, - бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной». Ссылаясь на Достоевского, ему вторил Сергей Булгаков, требуя от интеллигенции личного «смирения» и отказа от «народопоклонничества», восходящего к Герцену с его верой в «социалистический дух» русского народа. Что касается Николая Бердяева, то он утверждал, что любовь демократической интеллигенции «к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине», а ее ложно направленное «человеколюбие» убило «боголюбие».

Сто лет назад идеи «Вех» вызвали широкий резонанс в российском обществе. Они фактически раскололи его на две части: у одной породив «душевный праздник» (Антоний Волынский – идеолог черносотенства), у другой – чувство негодования, связанное с открытым «рenegатством» отечественных либералов (В. Ленин).

Как известно, в итоге русский народ полностью проигнорировал идеи «Вех», взяв власть в Октябре 1917 года под руководством все той же «народопоклоннической» интеллигенции. В итоге многие авторы «Вех» оказались за границей. На мой взгляд, этот жестокий урок истории современными «веховцами» до сих пор не усвоен. Постараемся понять почему?

Главная общественная функция русской интеллигенции, по моему мнению, всегда была связана с беспристрастным поиском истины, с просвещением и нравственным воспитанием народа. Однако не все интеллигенты ее честно исполняли: одни на самом деле бескорыстно *служили* народу, просвещая и защищая его, другие предпочитали больше слушать власть, а при необходимости и *прислуживать* ей. В «Русском журнале» политолог Глеб Павловский в очередной дискуссии, посвященной «Вехам» приводит любопытный исторический факт участия дореволюционной интеллигенции в появлении «грязных политехнологий» и использовании государственного ресурса. Он рассказывает, как известный либерал Петр Струве, «напросившись на секретный прием к премьеру Столыпину, записывает на промокашке тему беседы: *«Организация думского большинства. Инициатива должна принадлежать правительству»*. Но в статье, которую он одновременно пишет для «Вех», про такие грязные политехнологии – молчок». (См.: Русский журнал. Выпуск № 7, 2009, с.8)

В свете этого исторического факта, у меня возникает естественный вопрос: как следует относиться к представлениям современной русской интеллигенции, которые называют Вехи «актом предельно честной самооценки русского сознания, жестом уникальной подлинности и глубины»? (См.: «Литературная газета» № 14 за 2009 год). На мой взгляд, факт характерного двоедушия, проявленного Струве на встрече со Столыпиным полностью противоречит этой оценке.

Я думаю, что не являются до конца «честными» оценки некоторых представителей современной интеллигенции не только по отношению к Вехам, но и по отношению, например, к Октябрьской революции, которую они считают «катастрофой XX века», или к советской истории, которую они называют «кляксой в мировой истории», или «торжеством тоталитаризма». Хочу заметить, что подобные сугубо нигилистические оценки дают не только радикалы типа В. Новодворской, но и люди, называющие себя философами, политологами и историками. Но, разве может быть «катастрофой» революция, поднявшая к власти униженные веками трудовые низы общества, давшая им не только хлеб и крышу над головой, но и достаточно широкое образование? Разве можно считать «торжеством тоталитаризма» историю, в которой были НЭП и расцвет социального и художественного творчества в 1920-е годы, хрущев-

ская «оттепель», давшая стране «шестидесятников», перестройка, покончившая с остатками сталинизма, родившая гласность, демократию и свободу, о чем сегодня многие вспоминают с ностальгией. Наконец, разве может считаться «кляксой» или «дырой» в мировой истории поистине уникальная советская культура, давшая таких выдающихся ее представителей как К. Циолковский и С. Королев, А. Горький и В. Маяковский, С. Есенин и Б. Пастернак, А. Платонов и М. Шолохов, А. Твардовский и В. Шукшин, С. Эйзенштейн и М. Ромм, Д. Шостакович и А. Прокофьев, Э. Ильенков и А. Зиновьев?

Что касается тоталитаризма сталинской эпохи, то он просуществовал в стране более двадцати лет. Этот политический режим был, конечно, трагедией для миллионов советских людей и, в первую очередь, для ленинской плеяды революционеров, почти поголовно расстрелянной в 1930-е гг. В тоже время, его нельзя полностью отождествлять со всем обществом, или рассматривать советскую историю как непрерывное господство тоталитаризма. Такая трактовка советской истории методологически ошибочна: она не дает понять ее реальную и противоречивую природу. Замечу, что использование «концепции тоталитаризма» для объяснения советской истории не является новым и оригинальным явлением в общественной науке. Это прямое заимствование старой советологической теории времен «холодной войны», которая давно подверглась обстоятельной научной критике не только у нас, но и в США. (См.: работы С. Козна и Р. Такера). На мой взгляд, советское общество всегда развивалось через противоречия и борьбу его демократических и бюрократических сил, если хотите, линий Ленина и Сталина, Хрущева и Брежнева, Горбачева и Ельцина. Раскрыть и объективно описать реальные противоречия советской истории считаю благородной задачей отечественной интеллигенции, свободной от каких либо идеологических ангажементов.

Однако вернемся к сборнику «Вехи». Жизнь показывает, что в современной России, как и сто лет назад, полностью сохраняется и воспроизводится сугубо двойственное отношение к «Вехам» и «веховству». Так, по мнению историка и директора информационного агентства REGNUM Модеста Колерова, «...на языке «Вех» до сих пор говорит почти вся русская политическая мысль, по ее навигации до сих пор действует русская политика, русский политический класс, традиционно состоящий из бюрократии и интеллигенции». (См.: Русский журнал. Выпуск № 7, 2009, с. 6). На самом деле, после провала либеральных реформ 1990-х гг. в идеологии российского государства произошла своя знаменательная «смена вех».

На место прежней либеральной идеологии и ее ценностей пришла консервативная и ура-патриотическая идеология, во многом созвучная не только сборнику «Вехи», но воспроизводящая в новой форме старую уваровскую триаду: «Самодержавие, Православие, Народность». Только вместо «самодержавия» у нас говорят о «великодержавии», а что касается Православия, то оно рассматривается высшей

властью как одна из важнейших опор государства наряду с «суверенной демократией» и ядерным потенциалом страны.

Несмотря на пропагандистские призывы нынешней власти к национальному и социальному единству страны, сегодня, на мой взгляд, в ней реставрируется сугубо «Белый проект». Не случайно по инициативе известного кинорежиссера и председателя союза кинематографистов Никиты Михалкова и близких ему по мировоззрению интеллигентов и политиков были привезены и перезахоронены останки таких знаковых фигур Белого движения, как генералы А. Деникин и В. Каппель, философ и идеолог Иван Ильин и др. Разумеется, эти явно реставраторские тенденции в общественной жизни современной России стали возможны лишь после крушения советской власти и развала СССР.

Хочется отметить одну особенность многих российских интеллигентов: они чувствуют себя некомфортно, если отлучены от реальной государственной власти. Отсюда их частая смена убеждений, демонстративное «сжигание партбилетов» и неприкрытое тяготение к сильным мира сего, проявляющееся в организации «коллективных писем», публичных покаяниях и «принципиальных» призывах к общественности. Достаточно вспомнить в этой связи воинствующие призывы А. Гайдара и других демократов «первой волны» выйти на улицу в связи с событиями осени 1993 года, обращение к Борису Ельцину с требованием «раздавить гадину» в лице Верховного совета и т.д.. Не могу забыть, как бывшие советские писатели, редакторы популярных литературных журналов буквально клялись в верноподданничестве первому президенту России во время его последней предвыборной кампании. Открытое политическое лизоблюдство отдельных российских интеллигентов иногда меня просто шокировало. Вспоминается в этой связи знаменитая фраза, брошенная на юбилейном вечере Окуджавы, кажется, Михаилом Жванецким: «Не кидайте дерьмо наверх!». Ему вторила в другом месте не менее известная актриса, публично признавшаяся в том, что «очень любит богатеньких» и ненавидит всякое «быдло»: неудачников, «коммуняк» и нищих.

Я думаю, презрительное отношение веховцев к «народопоклонству» и «человеколюбию» в этом плане оказалось пророческим. Не случайно идеи «Вех» в новой России разделяются как либеральными демократами, так и сменившими их сегодня неоконсерваторами. Все они называют «бесовством» и «экстремизмом» любое проявление оппозиционности по отношению к существующему политическому режиму. С их точки зрения, даже «русская идея» означает не свободу и справедливость, а полное подчинение русского народа власти.

Однако, не смотря на открытую реставрацию «Белого проекта» в современной России, «Красный проект» продолжает жить в политическом и духовном поле большинства россиян. Он проявляется в многочисленных опросах общественного мнения, дает о себе знать в радикальной критике политической власти, в последовательном

неприятии многими подлинными интеллигентами исторического и современного «веховства». «Сейчас доминирующий настрой в среде интеллигенции, - считает историк Александр Шубин, - в пользу антивеховства: довольно стабильности, которая ведет к краху. В случае волнений интеллигенция будет аплодировать возмущенным массам и помогать им, чем сможет». ». (См.: Русский журнал. Выпуск № 7, 2009, с. 12).

С этими идеями перекидается оригинальная и искренне написанная статья Аллы Глинчиковой в «Литературной газете» под названием «Самостерилизация». В ней автор противопоставляет «живые» общества Латинской Америки «мертвому» российскому обществу с его «безвкусными особняками Подмосковья» и «нелепыми попойками в Куршавеле». Автор с болью говорит о «самостерилизации» российских граждан, которых уже с детства зомбируют низкопробные телепередачи, воспевающие культ денег и насилия. В итоге многие граждане перестают самостоятельно мыслить, петь и веселиться: у них в цене только «острые ощущения». В «мертвом» обществе многое зависит от увлечений: «кто-то любит спекулировать», «у кого-то хорошо получаются выстрелы в затылок», «кто-то случайно оказался у нефтяной или газовой трубы». В подобном обществе вам быстро объяснят, что «равенство – это убожество и нищета, а вот неравенство – это свобода». Поскольку люди не равны от природы, постольку полезно сытно кушать даже тогда, «когда другие голодают». К сожалению, в статье ничего не говорится о том, что же надо делать, что бы избавиться от «мертвого общества» в России, кроме абстрактного призыва идти «против течения».

На мой взгляд, без ясности цели и средств борьбы с «мертвым обществом» к настоящей свободе и равенству не придешь. И здесь только нравственной позиции недостаточно: необходимо активное сопротивление конкретным силам зла и разрушения. Правда, следует признать, что центр настоящей борьбы за живое, свободное и справедливое общество сегодня не находится в России: он давно переместился туда, где происходят подлинно народные революции, то есть где люди труда берут власть в свои руки.

Вместе с тем, есть предчувствие, что социальные перемены скоро начнутся и у нас, в России. На мой взгляд, они возникнут не под влиянием инспирированных извне «цветных революций», где одни коррумпированные кланы сменяют другие. Их с неизбежностью породит беспомощность нынешнего политического класса перед нарастанием острых проблем социальной жизни, и, прежде всего, растущей бедности и социального неравенства граждан, тотальной коррупции и бюрократизации властных структур, вновь возникшей практики невыплаты зарплаты и быстрого роста безработицы, очередного свертывания демократических свобод.

Глобальный кризис сегодня обнажил все эти проблемы и никакие СМИ, никакие телешоу их не смогут ликвидировать. История многократно учила всех представителей политической и финансово - экономической элиты: русский народ не быдло, он умеет долго терпеть, но его терпение не безгранично. Когда власти не решают его жизненные проблемы, когда с ним не хотят считаться, - он поднимается, и тогда «эй,

вы там наверху», вам мало не покажется.

А что же делает в дни кризиса наша интеллигенция? С кем она? С народом или против него? Пока вразумительного ответа нет. Одна часть ее пытается отвлечь народ от реальных проблем всевозможными развлекательными играми и «шоу», другая доказывает, что с библейских времен якобы неизменен порядок смены «тучных» и «худых» лет, что экономические кризисы – это стихийное бедствие всего человечества и их нельзя предвидеть и предотвратить. Они же считают, что, в конечном счете, только «капитализм может спасти капитализм». Именно так говорят о современном кризисе все либеральные экономисты, начиная с Гайдара и Ясина и кончая Грефом и Кудриным. Их совет народу до примитивности прост: следует «смириться с неизбежностью» и «перетерпеть трудные времена». В отличие от их либеральных учителей в Соединенных штатах Америки, которые все-таки признали свою вину в развязывании кризиса, наши экономисты до сих пор ничего не поняли и ничему не научились.

Лишь узкая группа университетских экономистов (из современных учеников Маркса) показывает подлинные причины нынешнего мирового кризиса, лежащие в стихийном характере общественного развития, обусловленного частными интересами различных олигархических групп. (См. «Новая газета». 27.03.2009 г.) Она же не устает говорить обществу о том, что нужно делать, чтобы с минимальными потерями выйти из него. Ее главный тезис: выходить из кризиса нужно не за счет народа, а за счет тех банкиров и олигархов, которые своей спекулятивной и иррациональной политикой безудержной погони за прибылью создали гигантские «финансовые пузыри» и тем самым породили глобальную экономическую катастрофу.

С точки зрения этих экономистов, объективно может быть только три сценария выхода из этого кризиса. *Реакционный*, связанный с продолжением развития олигархического капитализма, осуществлением имперского протекционизма и возможно нового силового передела мира. *Умеренный*, в духе плана «Рузвельт – XXI», связанный с ограничением крупного бизнеса и повышением экономической роли государства, организации общественных работ и создания новых рабочих мест, последовательной социализации образования, здравоохранения, финансов, расширения контроля за деятельностью капитала и государства со стороны гражданского общества. Наконец, третий *стратегический* сценарий связан с радикальным выходом за рамки капиталистической системы и приходом к политической власти людей наемного труда. К сожалению, у этого сценария нет реального политического и идеологического оформления, а левая интеллигенция пока ничего существенного и значимого не предлагает.

Осознание и выбор названных сценариев современными политическими силами дает возможность, на мой взгляд, разработать и соответствующую действенную антикризисную программу. Произойдет ли на практике такой осознанный выбор будущего России, жизнь покажет. Какое место в нем займет российская интеллигенция, будет во многом зависеть от того, захочет ли она повторить, или с порога отбросить идеи, провозглашенные сто лет назад сборником «Вехи».
